

ПСИХИЧЕСКАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ЛИЧНОСТИ И ДИССОЦИАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВЛАДИМИР МИКАЕЛЯН

Диссоциативное расстройство идентичности является одним из сложно интерпретируемых понятий как в психиатрии, так и в клинической психологии. Актуальность диссоциативной проблематики определяется уже тем, что различные психологические школы так или иначе обращаются к этому феномену. Развитие психотерапевтического направления клинической психологии привело к обогащению знаний о ДРИ и внесло в наше понимание больше неопределенности. Понятие «диссоциация», строго говоря, метафорично, оно подходит для объяснения всех процессов, в которых имеет место разделение (дробление) целого на автономные части.

При диссоциативном расстройстве идентичности прежде всего подчеркивается как раз принцип разделения и отчуждения. Целостная структура подвергается разрушению изнутри, дробится на отдельные автономные единицы, которые обозначаются как парциальные личности, субличности или альтер-личности. Понимание и интерпретация диссоциативного расстройства идентичности необходимо отслеживать в филогенетической истории человека. Эволюция психики несет в себе необходимость отчуждения «я» от «не-я». Я-сознание личности формируется на протяжении тысячелетий благодаря процессу отчуждения «я» от Мы-сознания. Тот же самый процесс мы наблюдаем в онтогенетическом развитии личности. Филогенетическое богатство психики содержит в себе множество парциальных личностей, подчиняющихся групповой сопричастности, групповому Мы-сознанию. Однако та же самая психическая эволюция требует дифференциации «я» от «не-я». «Элементы переживания "не-я" должны быть отделены от "я" элементов, агрессивно отторгнуты (во внешнем мире) и безусловно подавлены (во внутреннем мире)»¹. «Чем более бессознателен человек, тем больше он будет соответствовать общим канонам психического поведения. Однако чем больше он осознает свою индивидуальность, тем более явным будет его отличие от других субъектов и тем меньше он будет отвечать общепринятым ожиданиям. Более того, его реакции становятся гораздо менее предсказуемыми. Это следствие того, что индивидуальное сознание всегда более высоко дифференцировано и обладает большей широтой. Но чем шире раздвигаются рамки сознания, тем более дифференцировано восприятие и тем более оно свободно от коллек-

¹ Калшед Д. Внутренний мир травмы. М., 2001, с. 19.

тивных правил, так как эмпирическая свобода воли растет пропорционально расширению рамок сознания»².

Этот процесс дифференциации является ключевым для психической эволюции, благодаря ему формируется или вычленяется индивидуальное «я» личности, однако при этом множественно парциальных личностей переходят в сферу бессознательного и продолжают свое функционирование уже на других «частотах» психического аппарата – в сновидениях, в невротических и психотических расстройствах, в пограничных состояниях психики. Они приобретают вневременный характер, покидают территорию линейного времени и поэтому становятся вездесущими, тем самым опасными для нормальной психической деятельности. Для человека то же значение имеет смерть, она вездесуща, так как вневременна. Всё, что помещается для нас в линейные временные границы, имеет характер предсказуемости, а значит, и психического комфорта. Выпадение из границ времени несет в себе угрозу формирования патологии. В линейном мировосприятии психическая структура наделена адаптивными способностями как к собственной деятельности, так и к социальному миру. В травматическом переживании нарушается именно эта временная линейность, травма не ассимилируется Я-сознанием. В такой ситуации формируется диссоциативная активность как механизм ассимиляции травмы. Если психическая эволюция – это выведение множественных личностей из структуры «я», то диссоциация – реанимация этих самых парциальных личностей. Диссоциативность психики как таковая становится вполне понятным явлением, учитывая ее длительное филогенетическое развитие. Кроме того, психические процессы не отличаются устойчивой связанностью. «Как показывает множественность психических компонентов на примитивном уровне в изначальном состоянии психические процессы очень слабо связаны и отнюдь не образуют самодостаточное единство. Более того, психиатрический опыт свидетельствует, что нередко требуется совсем немного, чтобы разрушить единство сознания, столь многотрудно возводившееся в ходе развития и разложить его снова до первоначальных элементов»³.

Многовековая эволюция выводила из структуры «я» внешний мир, собирала воедино в целостную структуру отдельные фрагменты психики. «Этот многовековой опыт человечества, нашедший отражение в универсальном представлении о присутствии множества душ в одном и том же индивиду»⁴. Представление о существовании в одном индивиду множества душ, которое длительное время воспринималось в качестве аксиоматической истины, наделено символическими характеристиками. Однако символические представления являются закодированным знанием, а не беспочвенной фантазией. Психология вообще, строго говоря, представляет собой трансформированное мифологическое и символическое знание и поле исследования. Не говоря уже о том, что символическостью насквозь пропита-

² Юнг К. Г. О природе психе. М., 2002, с. 10.

³ Там же, с. 23.

⁴ Там же.

ны наши обыденные представления. Представления о множестве душ формируются с раннего детства, и не только формируются, но и программируются. Мы часто говорим друг другу о том, что в нас вселился бес, мы часто воспитываем ребенка, указывая на существование в нем плохого и хорошего ребенка. «Мы должны принять, что во внутреннем мире маленьких детей боль, возбуждение или дискомфортные чувственные состояния быстро сменяются чувством комфорта, удовлетворения и безопасности таким образом, что постепенно выстраиваются два образа самого себя и внешнего объекта. Эти разные репрезентации себя и объекта заключают в себе противоположные аффекты и имеют тенденцию образовывать полярные структуры. Один является “хорошим”, другой – “плохим”, один любящим, другой ненавидящим и так далее»⁵.

Отношение родителей к ребенку формирует как диссоциацию, так и интеграцию его психики. При этом фрагментацию психики запускает негативное отношение родителей, агрессия и причинение травм. Эмоционально позитивное отношение способствует интеграции психики ребенка. «Негативные аффекты, связанные с агрессией, ведут к фрагментации психики (диссоциации), в то время как позитивные аффекты и состояние покоя, возникающие, когда мать адекватна в исполнении своей роли посредника между ребенком и внешним миром, интегрируют фрагменты психики и восстанавливают гомеостатический баланс»⁶.

Уровень обыденных представлений является, конечно же, производным от более сложной системы человекознания. Диссоциативный процесс не появляется внезапно из ничего, - он постоянно присутствует латентно в нашей психической организации и активизируется при необходимых соответствующих условиях. Но, прежде всего, отметим, что этот диссоциативный процесс имеет сугубо бессознательную природу. Несмотря на это, вполне закономерно в этой ситуации возникают два вопроса. Во-первых, почему парциальные личности, или второе сознание, не может перейти порога «первичного, контролирующего» сознания и, во-вторых, откуда мы можем знать вообще об этом втором сознании? В парадигме аналитической психологии эти вопросы получают свои ответы. Второе сознание не является продуктом вытеснения. «Существование такого субъекта обусловлено не подавлением, а подсознательными процессами, которые сами по себе никогда не были осознанными»⁷. Эта часть бессознательного уровня психики является уровнем коллективного бессознательного, или объективным психе. Строго говоря, термин «объективное психе» представляется более полноценным и адекватным, так как единственный объективный уровень в психике тот, который свободен от субъективных переживаний и не был сформирован непосредственно личностью. Память предков никем из нас не была субъективно ассимилирована, но этот пласт, безусловно, вызывает своеобразные эмоции в каждом. Архети-

⁵ Калшед Д. Указ. соч., с. 21.

⁶ Там же.

⁷ Юнг К. Г. Указ. соч., с. 24.

пическое наследие нами не осознается, но переживается, поэтому эти переживания столь нумерозны. «В большинстве случаев, это вовсе не подавляемые содержания, а просто те, что еще не осознаны, то есть не были субъективно осмыслены, подобно демонам и богам первобытных народов или всяческим “измам”, в которые столь фанатично верит современный человек»⁸.

Хотя и эта память предков относится к филогенетическому прошлому, в личности она приобретает статус онтогенетического настоящего в форме диссоциативного процесса. Объективное психе просачивается в сознание, в настоящее время личности в виде симптомов. «Суть в том, что содержания, возникающие в сознании, прежде всего, симптоматичны»⁹. Юнг исходит из того, что единство и целостность сознания является целью психического развития. Процесс же достижения этой целостности может получить и патологическое развитие, переходя в свою противоположность. Множественность или, точнее, диссоциативность психики не есть что-то из ряда вон выходящее, это нормальное состояние и изначальная форма. «Такое состояние ни в коей степени не является ни патологичным, ни даже в чем-то особенным: напротив, это – изначальная форма, так как психическая целостность, постигаемая в единстве сознания, представляет собой идеальную цель, еще никем и никогда не достигнутую»¹⁰.

Таким образом, изначальное мы исходим из понятия «нормальной множественности» личности, которая имеет единый центр контроля и управления, несмотря на то, что временами этот контроль Я находится далеко не на адекватном уровне. В психике личности вследствие травмированного прошлого формируется тревога. Эта тревога в парадигме аналитической психологии носит название «угрозы фрагментации личности». Вообще переживания тревоги интенсифицируются по мере возвращения диссоциированного содержания в сознание. Это, конечно же, не значит, что в подобных случаях, переживая тревогу, мы всегда фиксируем диссоциативное расстройство идентичности. Вытесненный материал может быть ассимилирован сознанием, и тогда он будет интегрирован в целостную структуру личности. Однако «с людьми, перенесшими травму, дело обстоит иначе. Что касается этих пациентов, отторгнутый материал не имеет у них психической репрезентации, а отсылается на соматический уровень или переводится в дискретные психические фрагменты, между которыми возводятся амнестические барьеры»¹¹. По сути, Д. Калшед описывает механизм формирования диссоциативного расстройства идентичности, или феномен множественной личности. Вытесненные фрагменты психики, исключенные из целостной цепи личностного развития, представляют собой психическую незавершенность, гештальт переживаний не был включен в последовательность хронологического времени, в психи-

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Калшед Д. Указ. соч., с. 34.

ческую деятельность целостной личности. Энергия парциальных личностей не переместилась в общую целостную психическую динамику личности. Парциальные личности, лишённые возможности интеграции в единую целостную структуру личности, начинают паразитировать, односторонне развиваясь. При переходе энергии этой парциальной личности в суму мы получаем непропорциональный рост органов. Этот феномен, в свою очередь приводит к предположению о том, что каждое соматическое заболевание скрывает некую парциальную личность. В линейном времени энергия парциальной личности при надлежащей функции контроля Я-сознания погашается, в бессознательной вневременности энергии испытывают потребность реализации, однако уже вне этой личностной целостности и цельности. Процесс развития, протекающий вне целостной психической деятельности, трансформируется в болезненную психосоматическую противоположность. В диссоциативном процессе личность «соскальзывает» в недифференцированную психическую реальность, выпадает из линейного времени, единое Я расщепляется на части автономных парциальных личностей. Диссоциация пытается уберечь личность от эмоциональной травмы, буквально расщепляя переживания на части и изолируя их друг от друга с помощью амнестических барьеров. Поэтому сосуществующие парциальные личности не обладают знаниями друг о друге. Вопрос в том, что амнестические барьеры обеспечивают автономность парциальных личностей, если эти барьеры разрушатся, то травматические переживания вновь сольются в единое целое и в этом статусе обернутся настоящей угрозой для психического здоровья личности. Однако психологическая ценность этой диссоциативной защиты равноценна вытягиванию себя за волосы из болота. Точка опоры заключена в Я-сознании, между тем именно она утрачивается вследствие процесса расщепления. В процессе диссоциативного расстройства к одному пространству личности добавляется второе: «Одной из этих областей является переходное пространство между эго и внешним реальным миром. Вторая область – внутреннее символическое пространство, разделяющее части внутреннего мира»¹².

В формировании этого второго пространства и состоит как раз функция диссоциативной защиты. Таким способом достигается не удаление (вытеснение) травматического переживания, а дробление переживания на части ценой утраты контролирующей функции Я-сознания. «В этом и состоит одна из важных функций диссоциативной защиты – временное разделение переживания на части, внутреннее отделение Эго или де-катексис эго функции контакта с реальностью, в интересах психического оцепенения»¹³. Однако при подобной защите ущерб становится равноценным приостановке психического развития личности. «В итоге переживание лишается смысла, связанные переживания дезинтегрируются, процесс индивидуации прерван».¹⁴

¹² Там же, с. 45.

¹³ Там же, с. 47.

¹⁴ Там же.

Переживания травмы, по сути, угрожают личностной целостности, поэтому диссоциативный процесс однобоко направлен на обеспечение безопасности личностной идентичности. Диссоциативный процесс, «спасая» идентичность личности, не позволяет интегрировать в ее структуру травматические переживания, которые представляют угрозу для Я-сознания. Тем самым диссоциативные защиты выводят личность из линейного времени, из переживаний мира в контексте Я-сознания. «Они гарантируют выживание личности за счет ее развития. Насколько мне удалось понять, их основной задачей является сохранение личностного духа в безопасности, но развоплощенным, инкапсулированным или каким-либо другим образом удаленным из единой структуры душа/тело, лишенным возможности пребывания в реальном мире пространства и времени»¹⁵. Выход из границ линейного времени является, по сути, выходом из Я-организации или Я-сознания (различные авторы употребляют различные термины). Попав в линейную последовательность времени, человек сформировал в себе Я-сознание. В среде современных аналитических психологов, исследующих диссоциативный процесс личности, желательнее отметить Жан Кнох, в частности его исследование «Травма и защиты: их корни»¹⁶. Согласно Жану Кноху, травма приводит к активизации архетипических защит. Травма приносит в жизнь личности, в структуру ее «внутренних рабочих моделей» раскол. Рабочие модели являются своеобразными коппинг-стратегиями личности, нарушение в структуре которых приводит к их расколу, к утрате их временной и смысловой взаимосвязи. Модели коппинг-поведения или внутренние рабочие модели – своего рода архетипы. Травма угрожает разрушить эти рабочие модели, тем самым ставя под удар поддержание положительного чувства идентичности. Особенно тяжело переживаются жестокое отношение родных и близких и безразличие тех, кого человек любит.

Защиты личности нацелены, таким образом, на сохранение позитивной идентичности. В отличие от Калшеда, считающего, что травма активизирует архетипическую защитную структуру, Жан Кнох считает, что в этом случае мы имеем дело скорее с активизацией творческих конструкций, которые формируют у личности новые паттерны поведения и общения с окружением. Тем не менее мы считаем, что архетипическая защитная активность не может быть противопоставлена той же самой творческой активности, так как выполняет идентичную функцию – функцию формирования новых защит. Эффективность психологических защит вообще может определяться успешностью сохранения идентичности личности. Диссоциативные защиты фрагментируют травматический опыт, растворяют его или распределяют на отдельные носители. Эти отдельные носители несут в себе потребность к объединению. Автономия субличностей несет в себе самоотрицание. Всякое психическое явление содержит в

¹⁵ Там же, с. 49.

¹⁶ Кнох Ж. Trauma and defences: their roots. *Journal of Analytical Psychology*, 2003, 48, 207–233.

себе свою противоположность. Это чрезвычайно актуальное положение аналитической психологии послужило основанием и неким разрешением для построения психотерапевтической модели. Действенность любой психотерапевтической и консультативной модели основывается именно на способности психики формировать позитивные состояния. Всякая болезнь несет с собой потенциал здоровья, и психотерапия должна быть нацелена не на углубление в генезис заболевания (так как об этом уже позаботилась сама болезнь), а на поиск противоположного потенциала. Проблема диссоциативного расстройства идентичности представляет собой, по сути, заостренную форму нормального состояния. Личность несет в себе различные Я, но в целом они подконтрольны единому центру. Всякое расстройство обнажает эту множественность субличностей, во всяком расстройстве происходит их конфликт. Но это подконтрольный конфликт. Строго говоря, все методы психотерапевтической работы имплицитно признают наличие множественных субличностей. И психотерапия направляется так или иначе на восстановление баланса между уровнями их активности.

Парциальные личности – это автономные части психики, не прошедшие стадии осознания. Поэтому эффективная психотерапевтическая модель должна быть нацелена на формирование осознанности этих парциальных личностей, она должна осуществить то, что не успело завершить расстройство. Признание существования субличностей содержится как в психодинамической ориентации, так и в поведенческих моделях психотерапии. А гештальт-терапия прямо указывает на наличие множественных «я», которые делятся на два вида: основные «я» и элементарные «я». Не существует такого настоящего, реального "я", спрятанного под внешним обликом. Скорее существует скопление "я", которые соперничают в борьбе за господство. Например, ученый, интеллектуальная личность, чувствует себя несчастным. Он страдает, запертый в четырех стенах своего кабинета, и приходит к выводу, что его настоящее "я" – это страдалец. Но в действительности это не так. Он только выбирает из двух своих "я" – "интеллектуального" и "страдальческого", и каждое из них имеет свой характер»¹⁷.

Более того, в гештальт-психотерапии огромное место уделяется процессу интроекции как механизму формирования различных субличностей. В этом смысле интересно, что интроекты, поглощенные личностью, в определенные годы жизни формируют субличности, которые выпадают из линейного хронологического времени. «Действительно, многие искаженные представления о собственном “я” создаются с помощью интроекции. Например, пациент, который обладал беззащитным “я”, так как в детстве его постоянно избивал отец, был так поглощен интроективной силой своей беззащитности, что она и в самом деле овладела им»¹⁸. Беззащитное «я» личности в данном случае функционирует в настоящем лично-

¹⁷ **Польстер И.** Обитаемый человек: Терапевтическое исследование личности. М., 1999, с. 20–21.

¹⁸ Там же, с. 56.

сти, в хронологическом линейном времени, между тем возраст этого «я» не соответствует паспортному возрасту личности. Возрастное несоответствие различных «я» объективно должно приводить к психическим страданиям. Возрастное несоответствие различных «я» не просто каприз психики. Человек признает все свои возрасты, однако не признает связи между ними в диссоциативном процессе. Он признает факты своей жизни, но не признает их связи между собой, последовательности. Первое, что бросается в глаза в диссоциативном расстройстве, – это выход из последовательности, то есть из целостности единого Я-сознания. Человек признает факты своей жизни вне их связи друг с другом в контексте единого «я», а это означает, что он разрушает это чувство единого «я», дробит его на множество субличностей. Так как причинно-следственная цепь предполагает функционирование единого «я», активность и связность личности в прошлом и настоящем, то разрывом этой каузальности человек обеспечивает себе дистанцирование от травматического прошлого. Травмы жизни беспокоят человека, если они находятся друг по отношению к другу в причинно-следственной связи, в целостности психической жизни. Строго говоря, разрушая причинно-следственную связь событий, человек выпадает из линейного времени, разрушает возрастную непрерывность, тем самым попадая в акаузальную область бессознательного.

Говоря о последовательности жизненного цикла, мы хотим привести блестящее положение гештальт-терапии: «На вершине мастерства терапия может продемонстрировать выдающиеся примеры последовательной неизбежности и чувство вовлеченности в текучесть настоящего времени. Возникающие переживания плавно и неизбежно следуют одно за другим. Чувство соответствия происходящему и ощущение неизбежности событий оказывают сверхгипнотическое воздействие и предлагают освобождение от досаждающих проблем и противоречий, которые вызывают у человека внутренний разлад и расхолаживают разум»¹⁹. Таким образом, в гештальт-терапии основным техническим механизмом становится возвращение личности в последовательность собственной жизни, принятие своего прошлого, настоящего и будущего. Диссоциативный процесс – это прерывистое состояние функционирования психики. «Если терапевт помогает пациенту выйти из такого "прерывистого" существования и вступить в поток чувств и ощущений, где одно переживание плавно перетекает в другое, пациент вскоре втянется в этот поток. Чередование каждого последующего момента покажется ему неизбежным, он будет захвачен происходящим и открыт для новых мыслей и чувств. Когда терапевт чутко направляет последовательность таких моментов, пациент плавно скользит по колеям разума и приветливо встречает те мысли и чувства, которые прежде были неприемлемы»²⁰. Интеграция психической деятельности становится, таким образом, целью психотерапевтического вмешательства. Для сознания личности

¹⁹ Там же, с. 142.

²⁰ Там же, с. 142–143.

жизнедеятельность нормальна, если протекает в прогнозируемости причинно-следственных отношений и событий. Все, что не может быть ассимилировано сознанием как представляющее собой повышенную эмоциональную угрозу (угрозу для психического здоровья), дистанцируется психическим аппаратом, перемещаясь в бессознательную сферу психики. Для этой цели приводится в действие механизм вытеснения, или репрессии. Тем не менее, вследствие неудавшегося вытеснения, эмоциональная угроза остается в функционально деятельном состоянии и продолжает свое одностороннее развитие вне целостной структуры. Вследствие этого формируется новая парциальная личность, которая и образуется из этих травмирующих эмоций. Травма становится неким психическим телом, обрастающим своими психическими особенностями, своим собственным поведением, своей психофизиологией. Травма становится субличностью или, если угодно, парциальной личностью. Попадая в сферу бессознательного, то есть выпадая из сферы линейного времени, эта парциальная личность наделяется вневременными характеристиками. Она существует уже всегда, а не в каком-либо возрасте. В этой ситуации возраст не может играть роли, так как является продуктом линейного, хронологического времени. Эта парциальная личность может быть определена как состояние, но никак не как возраст. Как только в жизни личности формируется ситуация непосредственно или опосредованно напоминающая о травме, парциальная личность вытесняет Я-сознание и начинает управлять поведением человека. Если и где-либо процесс вытеснения удастся, то именно в этом случае – парциальная личность успешно вытесняет основную идентичность, формируя одновременно амнестические барьеры, так как в этом случае она просто не вписывается в границы реального хронологического возраста. На уровне бессознательного психического она также не наделена возрастом, парциальная личность – это состояние. И оно будет активизироваться всякий раз, когда внешние условия жизни в чем-либо повторят элементы травмирующей ситуации.

Состояния эмоциональной жизни личности не имеют возрастной определенности, они существуют всегда, в любом возрасте. Поэтому задачей психотерапевтического вмешательства становится осмысление травматического опыта, ассимиляция этого опыта и внедрения этой парциальной личности в целостную структуру личности, где она уже занимает свое место в качестве биографического хронологического факта жизни. Этот процесс, безусловно, сложен. В его основе лежит цель прервать бессознательную дифференциацию «я» от «я». По сути, психическое развитие требует продолжения дифференциации также внутри Я-сознания личности, однако этот процесс должен протекать в контексте осознания и лишь, в таком случае мы можем говорить о норме психического развития личности. Сама же возможность осознания заложена в психотерапевтических возможностях. Поэтому именно психотерапевтическая деятельность в первую очередь служит развитию психики личности. Нельзя сводить пси-

хотерапевтическую деятельность лишь к определенным моделям регуляции состояний личности или ее избавления от негативных переживаний. Прежде всего это деятельность, направленная на реорганизацию мировосприятия, развитие личности. В этом ее ценность. Иначе мы можем просто овладеть какой-либо техникой воздействия и считать при этом, что занимаемся психотерапией. Развитие психотерапии, основные направления ее развития программируются характером психических расстройств. Рассуждая в этом контексте, мы можем понять смысл и назначение диссоциативного расстройства личности в парадигме психологической модели психотерапии. Психологический анализ подводит нас к принятию идеи о том, что основной функцией диссоциативных расстройств личности становится изоляция от негативных переживаний, связанных с пережитыми травмами. Потребность вытеснения негативных травмирующих эмоций из сферы сознания личности запускает диссоциативный процесс. Диссоциация как проблема идентификации с собственной личностью является естественным состоянием при измененных состояниях сознания. В таких состояниях также формируется нарушение восприятия линейного времени, кроме того, человек ощущает себя в различных автономных состояниях или в нем начинают функционировать различные психофизиологические субличности.

Воздействие настоящего и будущего на прошлое личности связано с изменением личностной истории человека, с привнесением в фактическое прошлое нового психологического содержания. Когда эти процессы становятся активными, то есть у личности активизируется двустороннее взаимодействие, тогда мы можем судить об эффективности и целостности психотерапевтического вмешательства. В психотерапевтической практике, как правило, прошлое личности, факторы и компоненты патогенеза в некотором смысле отсекаются от ее настоящего и будущего. Часто многие терапевты просто провоцируют такой подход, советуя человеку забыть прошлое и попытаться в ином ракурсе оценить свою жизнь. Тем самым прошлое личности отсекается от его настоящего и с течением времени обрывает собственную автономию. Таким способом формируются новые субличности, ранее отсеченные от целостной психики человека.

Каждая новая субличность – это психическая проблема, не ассимилированная адаптационной системой личности. Выпадая из хронологической последовательности жизнедеятельности, из адаптационной системы личности, психическая проблема перебрасывается в бессознательную невременность. Здесь она обретает свое место. И что самое главное, здесь она развивается, на бессознательном уровне проблема начинает находить для себя смысловые ассоциации в прошлом. Таким образом, вытесненная проблема (травма) не отмирает в бессознательном, напротив, она начинает активный процесс формирования смысловых ассоциаций. По сути, именно так и формируются новые биографии парциальных личностей. Вытесненная в бессознательное травма, становясь субличностью, обрывает новым смыслом и переходит порог Я-сознания в виде расстройства. Смыслом

психотерапевтического воздействия становится, таким образом, интеграция отсеченных парциальных носителей травм, попытка внедрить фрагменты биографии личности в единое психологическое поле жизнедеятельности. Это процесс синхронизации времени. Всякий психотерапевтический процесс – это процесс синхронизации временных соотношений биографии личности.

ՎԼԱԴԻՄԻՐ ՄԻԲԱՅԵԼՅԱՆ – Անձի հոգեկան ամբողջականությունը և դիսոցիատիվ գործընթացը – Անձի դիսոցիատիվ խանգարման հիմնական գործառույթը վերապրած հոգեբանական խեղումների հարուցած բացասական հետևանքներից անձի մեկուսացումն է: Դիսոցիատիվ խանգարման վիճակներում խախտվում է ժամանակի գծային ըմբռնումը, մարդն իրեն ընկալում է տարբեր ինքնավար վիճակներում և սկսում է գործել որպես հոգեֆիզիոլոգիական ենթասուբյեկտ: Ելնելով այս կանխավարկածից՝ հեղինակը անձի դիսոցիատիվ խանգարումները դիտում է որպես հոգեկան ամբողջականության ձևավորման «բացասական փորձ»:

VLADIMIR MIKAELYAN – *Mental Integrity of the Person and Dissociative Process.* – Psychological analysis leads us to the idea that the primary function of dissociative personality disorder is insulated from the negative experiences associated with weathered injuries. Dissociation as problem identification with one's self is a natural state in altered states of consciousness. In such states violation solution of linear perception of time is also formed, moreover, a person feels himself in different autonomous states, or psychophysiological different sub-personalities begin to function in him. The impact of the present and future of the past person is connected with a change of personal history of man, with the introduction of the new psychological content to the actual past.